

18+

Иду по следу твоему

Ветер
будет нашим.
и земля.
и река.
и травы.

ЕФИМИЯ ЛЕТОВА

Ефимия Летова
Иду по следу твоему
Серия «Ведьмина речка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74495541

Иду по следу твоему: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-254662-4

Аннотация

Дорого заплатила Лу из Клана Багровой Луны за краткосрочное беспамятство после первого оборота! Послушная дочь, она должна была заключить брачный союз с сыном альфы соперников. Но вместо первой брачной ночи получила заточение в клетке, а её клановая метка исчезла...

Ведец Вельм ненавидит двуликих верфов, много лет назад убивших его любимую жену. Ненавидит волков, несмотря на то что вот уже два десятка лет живёт в лесной избушке. И всё же однажды в его жизнь врываются странная волчица и не менее странная девушка...

Содержание

Глоссарий	6
Пролог	7
Глава 1	16
Глава 2	28
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ефимия Летова

Иду по следу твоему

© Ефимия Летова, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Сама не знаю, почему,
но я тебя не помню.
Иду по следу твоему,
И не сойти с него мне.
За снегом не видать звезды,
А ночь сменяет вечер.
Скрывает волчьи снег следы,
Скрывает человечьи.
Но сквозь беспмятство и тьму,
Отверженной и слабой,
Иду по следу твоему,
Переставляя лапы.*

Глоссарий

Альта – сутки от одного рассвета до другого.

Ардха – истинный(-ая) у оборотней-дайрэ.

Арш – мера длины, равная примерно полутора метрам.

Белтяга – мелкий пушной грызун, обитающий в лесу.

Вапара – божественная покровительница дайрэ (или верфов, оборотней).

Верфы – оборотни (самоназвание – дайрэ).

Кусдаг – божественный покровитель людей (или мёрзлых, двуногих).

Междулесье, или Серая Зона – полоса нейтральной территории, разделяющая владения людей и дайрэ.

Оголтелые – оборотни, вкусившие человеческой плоти (самоназвание – сангии), дайрэ с трансформированным волчьим обличем, отличаются повышенной силой, выносливостью, агрессивностью.

Светень – стеклянный светильник.

Соула – шаманка и целительница клана дайрэ.

Щепоть – мера времени, одна щепоть – около пяти минут.

Пролог

Пятнадцатое зимнее альта 134 года

Девушка была мертва.

В этом не было никаких сомнений. Вельм опустился на рыхлый снег, пропитавшийся красным, и приложил два пальца к жилке на шее – ничего. Впрочем, неудивительно: обнажённую спину, залитую кровью, явно насквозь пронзила тяжёлая стрела с дивным чёрным оперением – длинные, словно покрытые лаком перья казались острыми, как лезвия. Сперва Вельм брезгливо, с отвращением коснулся гладкого смертоносного древка и только потом – шеи убитой девушки, сдвинул в сторону чёрные пряди – влажные, слипшиеся, снег под девушкой подтаял от крови. Кровавый след тянулся по снегу несколько аршей, вероятно, сколько-то щепотей она сумела проползти.

Кожа её была бледной до синевы, но ещё горячей. Не тёплой, а горячей, лихорадочно-жаркой. Сколько она успела пролежать здесь, в снегу, обнажённая? Кровь на груди уже запеклась.

Тело должно было остыть, хоть немного.

Вельм покачал головой. Преследуя совейра, как окрести-

ли деревенские вороватую нечисть, не брезгующую, судя по всему, людоедством, он опрометчиво забрёл дальше, чем обычно, и никаких встреч не ожидал. Серая Зона – густые, совсем дикие хвойные леса – разделяла исконные обжитые территории людей и проклятые земли верфов.

И тем и другим путь сюда был заказан.

Стоило оставить девушку здесь. Копать стылую землю ради безымянного трупа на закате – дурная и просто бессмысленная идея. Вельм давно понял, что бесплатное благородство не имеет никакого смысла. У него с собой ни лопаты, ни плоскореза, ни кирки, максимум, что он может сделать, – завернуть её тело в плащ.

Впрочем, для зубов хищников плащ помехой не станет.

Но она была такой горячей...

На несколько аршей вокруг не было никаких человеческих следов, только кровавая полоса, едва различимая в полумраке, а ещё стёртые волчьи следы. Почему же девушку не тронули? Возможно, это он спугнул мерзких хищников.

Вельм не любил волков.

Ведец снова покачал головой, бросил котомку прямо на снег, стянул перчатки и осторожно перевернул девушку на бок. Так и есть – стрела прошла насквозь и как минимум проткнула лёгкое, грудь не вздымалась, не было слышно даже слабого хриплого дыхания... Вероятнее всего, было задело и сердце, неведомый убийца своё дело знал. Раздел жертву – Вельму даже не хотелось думать, для чего, – и погнал её

сюда. Понимал, стервец, что здесь найдут её нескоро, не боялся гнева богов и людского суда. Вedeц взялся двумя пальцами за влажный от крови наконечник, прикрыл глаза, сосредоточился, дожидаясь ответа от дерева, и с хрустом обломил. После чего снова осторожно положил девушку на снег лицом вниз и резким движением выдернул гладкое древко стрелы.

Девушка мертва, ей это уже не повредит. Стрела же, очевидно, проклята, он чувствовал – что-то с ней не так. В таком случае стоило как можно быстрее от неё избавиться – проклятый предмет может отравить землю на несколько аршей вокруг.

...Кровотечения не было. Обломки стрелы Вельм сложил в котомку – вернётся домой и сожжёт по всем правилам.

Руки ведца легли на завязки плаща на шее, и в этот момент тело девушки прошла судорога, она захрипела, выгнулась дугой и открыла безумные глаза с ярко-жёлтыми, как показалось ему на миг, склерами и неестественно огромными чёрными зрачками.

Вельм отшатнулся, но девушка уже обмякла, подтянув колени к груди, смежила веки. Несколько секунд мужчина смотрел на неё, настороженный, готовый как к бою, так и к отступлению. Потёр застарелые шрамы на щеке, как всегда, напомнившие о себе неприятным зудом в минуты полнейшей растерянности. А потом наклонился, стянул-таки плащ и завернул в него девушку. Не без усилий взвалил её на пле-

чо – возможно, следовало обращаться с раненой бережнее, но раз уж ни стрела в груди, ни её грубое извлечение не помешали ей выжить...

Вельм шёл, проваливаясь в снег по колено, чувствуя, как хитрые глазки совейра буравят его спину. Сегодня твари несказанно повезло, и, возможно, она была достаточно разумна, чтобы понимать это.

* * *

Не снятые должным образом с двери защитные чары лопнули, как слишком плотная паутина, с жалобным, только ему слышимым треньканьем. Вельм подошёл к кровати и уложил на неё свою пылающую жаром ношу, предварительно сдвинув в сторону лоскутное одеяло. Его не слишком-то волновала чистота и сохранность простыни и пододеяльника, а вот одеяло шила Дара, и это была единственная её вещь, которую он взял с собой из прошлой жизни в новую. Память о ней.

Потряс круглый стеклянный светень – заговорённая жидкость внутри недовольно вспыхнула белым холодным светом. Не удовлетворившись этим, зажёг ещё пару свечек – в комнате резко запахло дешёвым воском, зато стало светлее.

Неожиданную находку стоило рассмотреть.

Прежде всего – рану. В ранах и целительстве он был не великий знаток, но даже если по какой-то счастливой случайности стрела не задела сердце... После той грубой процеду-

ры извлечения стрелы живая девчонка должна была истечь кровью. Надо бы промыть, обработать... Но две круглые раны, под левой грудью и между лопаток, затянулись ещё там, в лесу, к возвращению домой покрылись плотной и сухой бордовой коркой, и он мог бы поклясться памятью Дары, что никакого воспалительного процесса под ними нет.

Удостоверившись, что девушка дышит, он рассмотрел её всю. Совсем молоденькая, худощавая, но тело сильное, не изнеженная городская барышня – и в то же время кожа чистая, без синяков, царапин и ссадин. Чёрные густые волосы идут волнами, тёмные брови чётко очерчены – опять же, редкость для деревенских. Развитая грудь... Вельм отвёл взгляд и накинул одеяло – не то, обычное – на обнажённое тело. За исключением жара, впрочем, не проступившего, как оно водится, красными пятнами на щеках и лбу, девчонка теперь казалась совершенно здоровой, его чутьё подтверждало это.

...И этого просто не могло быть.

Если она каким-то чудом выжила со стрелой в груди, он, Вельм, должен был добить её своим глупым, безотчётным порывом уничтожить проклятую стрелу. Впрочем, возможно, её берегло проклятие, а в том, что девушку прокляли, он не сомневался, её конвульсии после извлечения стрелы подтверждали догадку. Заговорённая стрела одновременно и убивала жертву, и парадоксально берегла от смерти по иным, сопутствующим причинам – от переохлаждения или заражения. Он слышал о чём-то таком.

Вскоре огонь безмятежно потрескивал в очаге, наполняя теплом его маленький крепкий дом. Вельм вскипятил воды и выпил пустого чаю, обжигаясь и почти не чувствуя терпкого вкуса заваренных трав. Хитрую и наглую нечисть, повадившуюся потрошить курятники добродревцев почище самой изворотливой лисицы, следовало изловить в самое ближайшее время и получить за это награду – он поиздержался за время зимовки. Несмотря на пристрастие к отшельническому образу жизни, Вельм ценил бытовой комфорт. Поленья в костре, светни, хорошая еда и тёплые половички на полу, пусть даже давно немытом... Вельм покосился на тонкую руку девушки, заострённые, но чистые ногти, подкрашенные красным. Пожалуй, она из хорошей семьи, и, если он сможет её выходить и узнать, откуда она, счастливая родня отблагодарит сполна.

Вельм пробежался по слегка обледенелой дорожке до банной пристройки, натопленной заранее, вылил на голову несколько вёдер воды, чередуя ледяную и тёплую: перед тем, как основательно заняться девушкой, следовало смыть накопившуюся за день усталость. Не одеваясь, а только обвязав вокруг бёдер льняное полотенце, торопливо вернулся обратно. Он любил прохладу, а сейчас холод был ему просто необходим – с девушкой медлить не стоило. Кто знает, не пойдёт ли процесс её самоисцеления вспять.

Склонился над кроватью, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, сосредотачиваясь.

Попытался почувствовать отклик заключенного в её теле чужеродного чаровства, хранящего и губительного...

Девушка резко открыла глаза, на этот раз без ядовито мерцающей желтизны, но словно затянутые тусклой матовой му-
тью.

– Привет, – тихонько, чтобы не напугать, сказал Вельм. – Не бойся. Я...

Он не успел договорить. Она села на кровати, одеяло сползло до живота. Вряд ли девушка сделала это специально, двигалась она сейчас, как механическая кукла, но он неосознанно бросил взгляд на её грудь – и упустил момент. Дев-
чонка подалась к нему, обхватила руками за шею и прижа-
лась горячими влажными губами к его шее.

Вельм ошеломлённо застыл, упустив несколько десятых долей щепоти, а она уже выбралась к нему вся целиком. Шумно втянула носом воздух, жадно провела горячим влаж-
ным языком по коже, а затем ловкие тонкие, но сильные руки пробежались по спине, плечам, груди, бокам, стянули льня-
ную преграду ткани.

– Эй! Эй, ты... – Вельм безуспешно пытался её оттолк-
нуть, ожидая подвоха. Но что она может сделать ему, не вце-
пится же в горло?! К тому же есть большая разница – отшвы-
ривать прочь злостного врага, не заботясь, куда отлетит его
туша и во что врежется, или же гнать ласкающую тебя жен-
щину. Узкие пальчики погладили беззащитный живот, спу-
стились ниже... Когда он в последний раз был близок с жен-

щиной? После ярмарки в Дартаре, весной. Кто это был? Он уже и лица той девки не помнил. Весной! Прошло больше полугода.

Умом Вельм понимал, что потерявшую рассудок и память девчонку с проткнутым не далее как пару десятков щепотей назад лёгким следует немедленно остановить. Он видит её в первый и, вероятно, в последний раз! Вельм честно собирался это сделать... И позорно, малодушно поплыл, растёкся, точно воск от пламени. Опустился на кровать – и она оседлала его, упругими губами обхватив его сухие обветренные губы.

Внизу её живота темнела вязь татуировки – бордовый круг.

Девушки из хороших семей такие не делают...

Она была изумительна, сладкая на вкус, красивая, отчаянная, продолжала гладить и целовать, и он, проклиная себя в редкие мгновения просветления, потянул-таки её на себя.

Девушка не возражала, наоборот, раскрылась сама, нетерпеливо хныкая, выгибаясь навстречу. И только когда она тоненько всхлипнула, дёрнувшись, точно лопнувшая давешняя защитная паутинка, заподозрил неладное, отодвинулся – и тихо, смачно выругался, увидев тонкую струйку крови на внутренней стороне бедра.

Да как так...

Обзывая себя сволочью, кобелём, последним мерзавцем, Вельм со стоном сдался чувственному мороку. Девушка до

боли сжала его плечи, впиваясь ногтями в кожу, и вдруг вцепилась зубами в его предплечье, прокусывая до крови кожу, откинула голову, подставляя шею. Совершенно неожиданно он испытал абсурдное желание укусить её в ответ, почувствовать сладко-солёный привкус её крови во рту. И если бы он, Вельм, не отключился на мгновение от давно забытого ощущения единения с другим существом, он увидел бы вновь проступившую животную желтизну её широко распахнутых, затуманенных мороком глаз.

Глава 1

Шестнадцатое зимнее альта 134 года

Я мчалась по Междулесью, прижав уши, отталкиваясь всеми лапами от рыхлого снега, из-за тревожного напряжения не ощущая усталости или слабости, естественных для впервые полноценно обернувшейся дайрэ. Страшно было даже представить, какотреагирует на моё долгое беспричинное отсутствие отец. Надеюсь, представители клана Чёрного Когтя ещё не прибыли.

Брачная церемония должна была состояться после заката, а сейчас всего лишь миновал рассвет – серый, зимний, тусклый.

«Как ты посмела!» – прорычит отец.

«А я тебе говорила!» – заплачет мать.

И в этот раз я должна была признать, что они будут правы. Я и не собиралась выбегать за пределы территории клана, хотя подобралась почти к самой границе с Междулесьем. Это тоже не приветствовалось, особенно для молодых дайрэ. Но в тот момент, в один из самых важных моментов жизни, мне хотелось остаться одной, новообретённая сила бурлила в крови.

Вряд ли ещё когда-нибудь появится такая возможность.

Мой первый полноценный, полновесный оборот произошёл позавчера. Хотя такое никогда не предскажешь, обычно он случается гораздо раньше, старший брат, например, обернулся в двенадцать лет – и ко дню своей свадьбы полностью контролировал себя. Я же справила девятнадцатилетие од-нобокой, одноликой. Отец презрительно хмурился, мать жалела, отводила глаза.

Пожалуй, верила в меня только Шайтана, дочь Аширэ, со-улы клана Багровой Луны. Она же клеймила меня раскалённой иглой через три полнолуния после прихода первой лун-ной крови, она учила меня силе, она рассказывала о дайрэ. От неё я узнала, что в первое время после смены двуногой ипостаси на четверолапую, подлинную, дайрэ особенно уяз-вимы и не должны уходить далеко от дома. Всякое может случиться – животная сторона натуры берёт вверх, а в ле-сах полно обычного дикого зверья, слепая погоня за которым может плохо закончиться.

Далеко я и не собиралась – владения Багровой Луны об-ширны, есть куда бежать. Как я оказалась в Междулесье? Где провела почти половину дня? Дайрэ чувствительны ко вре-мени. Что со мной происходило?

Ничего не помню.

Разве это нормально?

Но теперь я чувствовала себя... потрясаяще. Куда лучше, чем в самом начале, когда я путалась в четырёх лапах и ду-

рела от необычайно обострившихся запахов снега и шастающих под ним полёвок, будто щенков. Едва уловимые прежде звуки оглушали, цвета казались неоправданно резкими, мир косился и кренился то в одну сторону, то в другую. Теперь же я летела стрелой, превратившись в единый натянутый мускул, оголённый нерв, ветер звенел в ушах, и я чувствовала, как разрезаю собой пространство, полностью слившись со своей второй сущностью.

Шайтана говорила, что даже сильному дайрэ для этого обычно требуется год, а я никак не могла назвать себя сильной.

...Я почувствовала, как пересекла границу клана – и шерсть на загривке встала дыбом. Это тоже было новым, незнакомым прежде ощущением томительной щекоетки вдоль параллельного земле позвоночника. Я учуяла запах родителей прежде, чем увидела или услышала их, пригнулась к земле и прижала уши, ожидая заслуженной трёпки.

Они стояли рядом возле входа в логово и смотрели на меня, как всегда, – вместе и врозь, слишком разные, но крепко связанные. Не меткой истинной пары, конечно же, – говорят, такое уже сотню лет не случалось и не случится ещё пару сотен лет, особенно после того, как Оголтелые обратили на нас божественный и людской гнев. Но трое детей и четверть века совместной жизни, за которые отец из дайрэ второго круга пробился в альфы клана, сделали их больше чем супругами и любовниками – соратниками.

– Лу, лапушка, что случилось?! – Мать осеклась, вероятно, потому, что отец сдвинул её предплечье. Я почувствовала, как хвост сам собой поджимается – инстинктивно хотелось стать меньше и незаметнее, а противиться инстинктам проще было в двуногой ипостаси, не сейчас. В чёрных глазах отца светилась неприкрытая ярость. Он всегда был ко мне не то чтобы жесток...

...Беспощаден.

Никаких поблажек по сравнению со старшим братом. Никаких нежностей. Вся гордость отца досталась Тэ, вся нежность – маленькому Ви, младшему братишке, неожиданному подарку.

Мне же не досталось ничего, кроме строгости.

Наверное, им не составило бы труда отыскать меня в Междулесье, но злость на отлучку победила даже здравый смысл. «Никуда не денется, сама прибежит», – я слышала голос отца так явно, как будто слова звучали изнутри моей головы.

Какое-то время он мерил меня ледяным разочарованным взглядом, а потом ухватил за загривок и встряхнул так, что лапы от земли оторвались, после чего выпустил, словно досадуя, что потратил на меня какое-то усилие. Трёпка была терпимой, но унижительной.

– Дайрэ из Чёрного Когтя придут незадолго до заката. Приведи себя в должный вид, Лу. После того, как будешь готова, иди к Тэ. Он хотел поговорить с тобой и раздражён, что пришлось ждать.

Вот так. А ведь сегодня *мой* день. Мой первый оборот. Моё последнее альта дома.

Сегодня на закате я стану женой старшего сына и наследника альфы клана Чёрного Когтя.

* * *

Хо я видела всего пару раз в детстве – и тогда он мне не понравился. Высокий, тонкий, но сильный, взгляд серых глаз пронзительный, точно лезвие. Была в нём какая-то выборочная жестокость, уже тогда. Конечно, все дайрэ едят мясо, а в истинном облике охотятся и убивают животных. Но есть большая разница – *как* убивать.

Хо, на мой вкус, убивал жестоко даже в двуногом обличье, ломая хребет и несколько мгновений наслаждаясь своей властью над беспомощным агонизирующим созданием. Я зажмурилась, пытаюсь стереть непрошенные воспоминания о нашей первой встрече: светлые, вопреки названию клана, длинные волосы, высокомерный взгляд серых глаз, какая-то мелкая зверушка, бьющаяся в его кулаке...

Прошло лет пять. Возможно, Хо изменился, вырос. В любом случае моё к нему отношение ни на что не влияло – нам нужен был этот брак. Чёрный Дорок, отец Хо, не имел дочерей, так что Тэ, как обычно, повезло, и брат в своё время был волен в выборе.

А вот я...

После восстания Оголтелых жаждущие мести люди и храмовники не тронули лишь несколько кланов дайрэ, доказавших свою чистоту перед небом и верность Великому Договору. Но мы, клан Багровой Луны и ближайший к нам клан Чёрного Когтя, больше не были полновластными хозяевами лесов – мы стали изгнанниками, отделёнными Междулесьем от всего остального мира. Хорошо, что не тронули хотя бы торговлю: дайрэ не держали монет из драгоценных металлов, но менялись с людьми охотно. Люди отдавали за пушные шкурки, кожу и мясо молоко и яйца, одежду и разные полезные хозяйственные мелочи.

Шайтана посмотрела на меня с сочувствием. Дождалась, пока я перекинусь, – это тоже оказалось куда легче и быстрее, чем я ожидала. Набросила на плечи мягкую шаль из овечьей шерсти, повела в баню – огромный треугольный шатёр, укрытый оленьими шкурами.

– Как всё прошло, Лу? В любом случае ты прекрасно держишься. Лучше многих.

С ней можно было говорить без утайки. Соула и её преемница, приёмная дочь, в кланах всегда держались особняком. У соулы клана нет своей семьи, не бывает детей, она сторонится мужчин и всегда сама по себе, но мы подружились, несмотря на то, что Шайтана была старше на десяток лет и наши пути скоро должны были разойтись навсегда. Вряд ли в клане Когтя у меня будут друзья.

– Не помню. Я... не помню, где я была. Это нормально,

Шай?

– Как так – не помнишь?

– Я собиралась добежать до границы и вернуться. Но пришла в себя в Междулесье, – шёпотом сказала я. – На рассвете. Где вечером и ночью была – не помню. Ничего не помню!

Шаманка наклонила голову:

– Погналась за подранком?

Это было вероятнее всего – запах свежей крови мог свести с ума молодую новообращённую дайрэ, и в то же время я была уверена, что нет. Но возражать не стала, неопределённо кивнула.

– Устала? У тебя глаза горят...

– Нет, никакой усталости. И это тоже странно, верно?

Я залезла в чан с горячей водой, опустилась на дно, подтягивая ноги к груди. Шайтана неожиданно погладила меня по лопаткам.

– Разве у тебя был шрам на спине? Вот тут. Круглый, маленький. Откуда?

– Не помню...

Тёплая вода щедро лилась из ковша мне на спину и на голову, но нарастающую тревогу смыть она не могла.

– Что меня ждёт сегодня вечером, Шай? И ночью?

– А что, Садахи, как всегда, язык проглотила? – проворчала Шайтана, щедро намыливая мне волосы. Мать она недолюбливала, переняв от Аширэ своё неприятие, которое никогда не скрывала. – Она рассказать должна была, ей по себе

ведомо, что в браке делают! Ничего там страшного нет, никто ещё не умер, Лу. Сперва потерпишь, потом привыкнешь.

– Да я не об этом. После брачного обряда... мы сразу же отправимся в земли Когтя?

– На рассвете. Первую ночь проведёте здесь. Это дань традиции, уважения... и прощания. Невеста, уходящая в другие земли, делится плодородием с оставленным племенем.

Мне хотелось пожаловаться, что я не хочу уходить, что Хо пугает меня и неприятен мне, но это было бы недостойно Лунной Лу. Если даже отец не считает меня не чем иным, как разменным товаром, я должна оставаться собой и помнить, кто я.

– Встань, – попросила Шайтана и осмотрела меня с головы до ног придиричивым взглядом. Рисунок внизу живота, знак Клана, непривычно зудел, но я не решалась его коснуться.

– Знак чуть побледнел. – Шайтаны было глупо стесняться, но мне вдруг стал неприятен её задумчивый взгляд. – К чему бы это?

– К чему бы это? – эхом откликнулась я.

– Метка – знак рода, – тихо сказала Шайтана. – После того, как ты переходишь в другой род, обычно набивают новую, поверх старой. С годами старая метка бледнеет и исчезает, но не сразу. Разве что...

– Что? – поторопила её я.

– Неважно, – оборвала саму себя Шайтана. – Не забивай голову лишними мыслями, Лунная Лу.

Я натянула льняную сорочку, сверху – шерстяную тунику, серую, как лесной туман, с меховой оторочкой. Нацепила на шею единственное украшение, которое мне, незамужней, было дозволено и которое у меня было: на простой пеньковой верёвке висели клыки убитых родом Багровой Луны животных, перемежаясь с клыками умерших дайрэ. Обычай вырывать клыки у тех, кому повезло отправиться к Тёмной матери в звериной ипостаси, всегда казался мне нелепым, но сейчас хотелось прикоснуться к силе предков.

А ещё хотелось заглянуть в Жерву, широкую полноводную реку, разделявшую кланы, и посмотреть на своё лицо.

За окном темнело неотвратимо быстро. Я не видела отблески разожжённого костра на Кругу, но чувствовала его так отчётливо, как если бы этот жар разливался прямо за спиной. Как будто я стояла в центре огненного кольца.

За эти часы меня навестила мать и принялась путано, отводя глаза в сторону, давать наставления, суть которых сводилась к тому, что наш с Хо союз очень важен для всех, я не должна подвести их с отцом, а для этого полагается быть смиренной, покорной, исполнительной, не противиться мужу ни в чём и не поднимать лишний раз головы.

Я это слышала уже много раз – и перестала вслушиваться. Разговор с Тэ был куда более занимательным.

Брат был старше меня на десять лет. Отцовская гордость, наследник, воплощение всех его устремлений, пожалуй, он недобрал только в одном – в росте. Может быть, из-за того, что я никогда не смотрела на него снизу вверх, может быть, потому, что отец постоянно сравнивал нас, разумеется, не в мою пользу, но я никогда не испытывала к брату ни пиетета, ни особой любви, чем ещё больше раздражала отца.

Получать наставления перед брачной церемонией от старшей подруги или матери было бы естественным, хоть, на мой взгляд, и бессмысленным. Но от брата? Последние годы у него была уже своя семья, и общались мы мало.

Территория клана состояла из подземных логов и наземных внутреннего Круга, внешнего круга, жилища шаманки и гостевого Шатра, предназначенного для встреч храмовников и редких двуногих, у которых могло быть какое-то важное дело к детям Багровой Луны. Брат ждал меня в Шатре, и это тоже не могло не покоробить, не продемонстрировать, насколько мы друг другу чужие.

Он сидел на деревянном топчане, небрежно скрестив ноги и руки – закрытая поза. Сын альфы... Будущий альфа. С учётом того, что главой клана Чёрного Когтя однажды станет Хо, уже завтра мы окажемся в относительно дружественных и всё же разных лагерях.

Не могу сказать, чтобы меня это расстраивало, скорее, слегка тревожило.

– Сочувствую, – отрывисто сказал брат вместо привет-

ствия, и мне сразу захотелось оскалиться. Терпеть не могу, когда меня жалеют.

– Что так?

– Не хотел бы я попасть к Когтю... в когти. – Тэ хохотнул.

– У меня нет выбора. – Я говорила себе это так часто, что почти поверила сама. Стоять навывтяжку перед по-хозяйски развалившимся Тэ было неприятно, и я опустила напротив него. Мягкие ворсинки собольего воротника приятно щекали щёки.

– Верно. Прямо сейчас – нет. Но всё же не стоит себя недооценивать. – Брат говорил вальяжно и неторопливо, но при этом не отрывал от меня тёмного настороженного взгляда. Звериная ипостась была в нём очень сильна, и он не препятствовал её власти, сквозящей в излишне резких поворотах головы, повадках. Я видела, как подёргивается его верхняя губа, раздуваются ноздри, подрагивают чуть заострённые вытянутые уши.

– Что ты хочешь сказать?

– Родители и все остальные внушали тебе, что отныне ты станешь собственностью Хо... Это и так – и не так. Он недостоин тебя, Лу. Жалкое создание, глупый щенок, не более. Когда он станет альфой, а Дорок изрядно ослабел после ранения на последней охоте, – уверен, клан Когтя ослабеет и придёт в упадок окончательно. Хорошо, что у нас там будешь ты. Всегда будь начеку и не забудь о своей настоящей семье. Отец нередко бранил тебя, но он руководствовался заботой,

не таи на него обиды, мы всегда примем тебя обратно и дадим защиту... если что-то случится.

Я удивлённо приподняла брови – уж от кого, а от Тэ я не ожидала подобных слов.

– Что ты имеешь в виду под «что-то»?

Дайрэ образовывали одну пару и на всю жизнь. После смерти избранника для вдовы был возможен повторный союз в том случае, если она осталась бездетной, и глава клана давал согласие, но подобное случалось крайне редко – слишком много условий должно было сойтись воедино. И вдова, если Тэ намекал на возможную смерть Хо, обычно оставалась в семье мужа, под её защитой и покровительством.

– Всякое может случиться. Главное, помни, что у тебя есть настоящая родная семья, которой ты дорога, – неопределённо пожал плечами брат.

Неожиданно резко поднялся и вдруг сказал:

– От тебя странно пахнет. Иначе, чем обычно.

– Запах страха? – съехидничала я, тоже поднимаясь.

– Нет. Страх от тебя я ещё никогда не чувствовал, – серьёзно отозвался Тэ, и эти слова будто пролились тёплым мёдом внутри. Я кивнула, и в этот же момент металлический звук гонга завибрировал в воздухе.

Мой беловолосый сероглазый жених из клана Чёрного Когтя пришёл за своей невестой даже раньше, чем ожидалось.

Глава 2

Шестерых мужчин из клана Чёрного Когтя было видно издалека. Белые волосы, высокий рост, широкие плечи, покрашенные в чёрный цвет ногти, плащи из оленьих шкур. Я не то чтобы узнала – распознала старшего, альфу Дорока, четверых его сыновей, а последний из визитёров, старик, белизна волос которого отдавала пыльной серостью, мог быть соулом племени. Рискнул бы мой отец самолично явиться в клан заклятых друзей, пусть даже ради любимого сына? Впрочем, стоило уважать доверие к нам и не мутить воду грязными мыслями. Наш брак – свидетельство перемирия, сотрудничества и дружбы...

Вот только верить в это после разговора с Тэ было всё труднее.

Восемнадцать лет назад большая часть дайрэ – многочисленные и сильные кланы Стального Серебра, Лунной Охоты, Острого Зуба и другие – сплотились в обезумевшую стаю Оголтелых. Тех, кто желал неограниченной силы, тех, кто верил в превосходство дайрэ над простыми двуногими, тех, кто громил деревни, пожирал плоть и кровь мёрзлых – и был безжалостно уничтожен храмовниками, теми же «жалкими» двуногими, но наделёнными божественной искрой – магией. Сила, скорость и ловкость дайрэ, в чём бы они её ни черпали, оказалась не безграничной.

Мне повезло. Моя семья принадлежала к одному из пяти кланов, сохранявших нейтралитет. Их не убили, но с тех пор широкая полоса дикого незаселённого Междулесья разделяла обособленный мирок дайрэ от мира двуногих мёрзлых, как мы прозвали их за холодную кровь и кожу. Взаимодействие двух рас было сведено к торговле и происходило в строго оговорённые часы в строго оговорённых местах. Я видела двуногих пару раз в детстве и поразилась, как остро и непривычно они пахли. Похожие на нас – и в то же время другие. Слабые. Странные.

Но их было куда больше. И на их стороне была магическая сила посвящённых Кусдагу, покровителю двуногих мерзляков. Хитроумные, суетливые, точно муравьи, в местах своего обитания люди повырубали деревья и понастроили свои жилища-муравейники, впрочем, дайрэ это более не касалось. После ночи восстания Оголтелых миры мёрзлых и двуликих почти не пересекались, не считая торговых дней. А клан Багровой Луны и их живущие за рекой соперники и соседи из клана Чёрного Когтя заключили соглашение о мире и поддержке. Кровь следовало обновлять, а посему у нас уже бродило несколько светловолосых девиц с упрямыми, светлыми, как сухие камни, глазами. Видела я и брачные обряды, только видеть и участвовать – разные вещи. Обычно на них собирались самые близкие, но сегодня на Кругу дайрэ – свои и чужие – сидели в два ряда. Трое дайрэ клана отбивали ладонями по натянутым шкурам мерный заволаживающий ритм.

Хотелось закрыть глаза и не смотреть, как в сгущающемся сумраке искры костра пляшут на лицах беловолосых мужчин. Лицо Хо, с которым до обряда мы и словом не обменялись, его взгляд ничем не выделялись среди остальных. Вскоре я почувствовала удушливый сладкий запах сушёных трав: Аширэ, мать Шайтаны, подожгла сбор «на семейное счастье», глиняные плошки задымилась. Когда-то это было шутивым испытанием для истинных пар – найти друг друга с завязанными глазами по запаху. Сейчас – просто дань традиции.

Снежные хлопья падали с неба, не долетая до пламени, растворяясь в воздухе.

Голос Аширэ был непривычно высоким, а у меня от запахов трав и волнения закружилась голова и свело живот.

– Как сливаются два пламени воедино, так и кровь ваша...

Мы с Хо, сидевшие по разные стороны от костра, одновременно поднялись. Кто-то сунул мне обёрнутую просмоленной тряпицей ветку, я подошла к большому костру и подожгла её, почти не ощущая жара, почти не испытывая страха. Хо со своей горячей веткой опустил перед кучей хвороста, и мы одновременно бросили свои факелы, ожидая, пока вспыхнет новый костёр.

Это было волнительно, жутко, красиво, и всё же где-то в глубине я надеялась, что что-то пойдёт не так, что огонь погаснет – и все признают происходящее большой, но ещё поправимой ошибкой.

В свете пламени белые волосы Хо казались алыми.

Аширэ подняла над костром ещё живую, чуть придушенную куропатку – символ плодovitости – и перерезала ей горло. Капли крови, падая в огонь, едва слышно шипели. Влажный от крови палец соулы ткнулся в мои губы, и я представила, как сладострастно облизнулся Хо.

– Как ночь всегда сменяет день, так и любое горе ваше пройдёт, сменяясь радостью, и раны затянутся, и боль утихнет...

Члены клана проходили вокруг нас бесконечной безликой вереницей, бросая в новое пламя коренья, перья, кусочки мяса и косточки, шерстинки и травы, чтобы наша жизнь была полной чашей, чтобы мы ни в чём не ведали нужды.

Перестук кожаных барабанов стал громче. Хо даже не перепрыгнул – перешагнул через костёр, и мне захотелось, чтобы он растаял белой дымкой, как тает от тепла падающий снег. Жених взял меня за руку, его когти впились в мою ладонь.

Повинуясь заведённому порядку, мы отвернулись друг от друга и соединили уже обе руки. Я чувствовала его плечами, лопатками, ладонями, ягодицами, он был слишком материален, и я сдерживалась, чтобы не обратиться и не броситься прочь, забыв о долге, забыв о своей старой семье, о себе самой.

– Стоя лицом к лицу, стоя спиной к спине, не расцепляйте рук. Но чаще смотрите в одном направлении и помните о

своей опоре и надёже...

Аширэ накинула на нас рогожу, и я повернулась, так что Хо оказался за мной, теперь он касался носом моего затылка, жадно вдыхая запах волос. Руки заскользили по телу, губы прижались к шее, и меня охватила почти неконтролируемая паника.

– Какая ты горячая, Лунная Лу, – прошептал Хо мне на ухо. – Сперва этот брак был постылой горечью на языке. Но сейчас я так не считаю. Ты будешь согревать мои ночи и скрашивать дни.

Ладони чуть сдавили шею, и я подумала, что понимаю чувства полёвок и белтяг в когтях хищников.

Шаманка стянула рогожу и стала обматывать нас кожаными ремнями, привязывая друг к другу ещё крепче. Я могла бы разорвать их без особых усилий даже без помощи Хо, но была вынуждена замереть на месте.

– Да не отлепитесь вы друг от друга во веки веков... Станете единым целым, душой и телом...

Подрагивающие, чуть скрюченные, но всё ещё сильные пальцы старой соулы зачерпнули из черепка влажной глины, и она слегка коснулась меня и Хо, подтверждая сказанное. Легенды гласили, что у Вапары, небесной покровительницы дайрэ, нет слуха, она глуха к молитвам, но видит хорошо. Так что сказанное предназначалось нам, а жесты – небу.

Аширэ разрежала путы тем же кинжалом, которым умерщвляла куропатку, барабаны задохнулись от ударов, между их

кожаными перепонками и ладонями бьющих по ним дайрэ, казалось, мерцали искры. Хо вытянул руку, и соула надрезала его ладонь, а потом повернула голову ко мне.

Всё внутри меня протестовало настолько, что, казалось, кровь застывала, густела в жилах, а вокруг стремительно густел прогретый воздух, мешая двигаться.

Хо сам взял мою безвольную, отяжелевшую руку. Старуха проколола ладонь – я не почувствовала боли. Боль пришла секундой позже, когда Аширэ вложила мою руку в руку жениха – и наша кровь смешалась. Словно ожог, словно прикосновение к раскалённому металлу. Хо тоже вздрогнул, закусил губу, но тут, перекрикивая общий на двоих рык, закричала, провозглашая новый заключённый союз, Аширэ. Беловолосые Когти и дети Багровой Луны подхватили её крик, в маленький хилый костёр новой пары дайрэ стали подбрасывать ветки. Я задрала голову к небу, словно надеясь увидеть лик Вапары и получить от неё ответ на невысказанный вопрос.

Что-то колкое стукнуло меня по щеке, ещё и ещё... Снегопад внезапно сменился колючим ледяным дождём, и я почти с торжеством представила себе, как гаснет костёр. Хо буквально втолкнул меня в высокую урту, сооружённую специально для нас всего на одну ночь. Внутри было темно и мягко – меховые шкуры устилали пол.

Барабаны продолжали отбивать глухой ритм, едва слышимый, но чёткий, и эти звуки проникали в меня, подчиняя се-

бе дыхание и ток крови.

* * *

– Промокла, Лунная Лу? – первым нарушил тишину Хо.

– Уже не Лунная, – с неожиданной для себя самой горечью отозвалась я. – Не зови меня так...

– Для девушки нормально покидать родителей, чтобы перейти в новое жилище.

Я почувствовала, как жених – уже больше, чем жених, муж – осторожно снимает с меня ожерелье из клыков:

– Ты привыкнешь.

«Сперва потерпишь, потом привыкнешь», – пронеслось в моей голове. Конечно, как же ещё. Это мой долг.

Я позволила рукам Хо стянуть с себя тунику, вытянула руки вдоль тела, не стараясь прикрыться. Он тоже разделся, снял рубаху и холщовые штаны, его метка клана, также изображенная внизу впалого поджарого живота – чёрный серп, – мерцала серебристыми искорками в темноте.

Пальцы Хо прошлись по моему животу под пупком, словно стирая лунный контур. Так и есть – завтра незнакомая мне соула нанесёт поверх изображение когтя. Казалось, мышцы сами собой сокращаются от неприятного предвкушения мельчайшими болезненными спазмами, хотя Хо был куда более деликатен, чем я ожидала.

– Расслабься, – велел Хо, опрокидывая меня на стопку

мягких шкур животом вниз. Глубоко вдохнула запах, который невозможно перепутать ни с чем: смесь запахов мышиного помёта, болотной воды, сена и гнили. Теперь муж лежал на мне сверху, упираясь в бедро коленом. Боднул лбом в затылок и стал покусывать шею, уши, потираясь своими узкими бёдрами о мои.

И что приятного в этом вообще находят?!

– Потерпишь – привыкнешь, – бормотала я точно в полусне, точно заклятие. – Потерпишь...

Я ждала, когда он начнёт, чем раньше начнёт, тем быстрее закончит, но Хо не торопился, и, кажется, ему нравилась сама прелюдия.

Шайтана рассказывала мне, что в первую ночь с мужчиной женщина проходит через боль, и я была готова к боли, пожалуй, к ней даже больше, чем к чему-то иному. Так решили боги: любое рождение болезненно. Мужчина и женщина были созданы по-разному, он – из звука охотничьего рога, она – из тёплой золы костра. Чтобы мальчик стал мужчиной, он должен был убить на охоте свою первую дичь, чтобы мужчина стал мужем, он должен был взять женщину. Мужчина причиняет боль, а женщина – терпит, раз за разом, год за годом. Кто я такая, чтобы роптать перед божественным выбором собственного пути?

Но, похоже, сейчас Хо вовсе не думал о своём предназначении.

Он сжимал мою шею, точно я была флейтой, и я не пони-

мала, какую музыку он хотел бы извлечь. Зажимал рот и нос, пока я не начинала извиваться под ним и в его руках. Оттягивал и щипал самую тонкую чувствительную кожу. Меня трясло от внутреннего ожидания, от барабанного боя снаружи, тяжёлого сбивающегося дыхания незнакомца, который с этой ночи стал моим мужем и главой.

Хо перевернул меня на спину – темнота не мешала нам видеть друг друга, провёл заострённым когтем по груди наискосок. Серые глаза мерцали звериным золотом, но светлый зрачок в центре создавал ощущение, что это золото тронуто гнилью.

Я чувствовала, как лопается кожа, как горячая кровь стекает к рёбрам. Раны у дайрэ затягивались быстро, шрамов не должно было остаться, просто Хо наслаждался моим запахом и своей властью надо мной.

Вдоволь налюбовавшись, он наклонился и слизнул горячую сладкую струйку.

...И в то же мгновение лицо его исказилось в гримасе неприкрытой болезненной ярости. Хо отскочил от меня, точно кто-то пнул его сапогом под рёбра, зажал рот ладонью, точно хлебнул крутого кипятка.

Он был близок к неконтролируемому обороту, золото склер закипело, обнажились зубы, черты лица исказились, предвещая трансформацию. Всё-таки Хо был несдержан в силу своей молодости, и я не смогу справиться с ним, если он вдруг решит перегрызть мне горло! На вторые сутки

после первого оборота я ничего не смогу противопоставить разъярённому дайрэ. Страхнув охвативший меня морок бездействия и оцепенения, я не без усилия запрокинула голову, подставляя беззащитную шею – жест полной покорности, и зашептала:

– Хо, что такое? Что произошло? Тише, тише, объясни мне, что случилось, Хо...

Он рычал, вжимался спиной в затянутую шкурами боковую поверхность урты, и я видела, как тяжело вздымается его грудь.

– Нет, это ты мне объясни, – пробормотал он, глаза его полыхнули жёлтым. – Почему от вкуса твоей крови меня жжёт изнутри, Лу?! И где метка твоего рода?! Почему от тебя так пахнет, словно...

Он шагнул ко мне и пнул в живот – несильно, но я упала на спину и поползла прочь от него, не делая попыток встать.

– Ты с ума сошёл? Протри глаза. Метка? Где ей быть? Аширэ омывала её водой перед брачным обрядом. Ты только что её видел! Метку невозможно убрать! И с кровью своей я ничего не делала! Это не суп, куда можно добавить специй!

– Язвишь?

В голосе Хо сквозила такая неприкрытая ненависть, что мне стало жутко. Лучше бы он продолжал играть со мной, как волчонок с первой добычей, чем вот так. Играть ему явно уже не хотелось.

И я не понимала причины.

Что за чушь он несёт по поводу метки?!

Хо подскочил ко мне, ухватил за волосы, дёрнул, заставляя подняться.

– Может быть только одна причина... Горвот подсунул мне несвежую пададь!

Барабаны стихли – или я просто оглохла. Хо толкнул меня на себя, его ладонь толкнулась мне между ног. У меня не хватило бы сил вырваться, единственное, я могла бы укусить его, вырвать зубами кусок мяса, но... Сама мысль об этом вызывала тошноту.

– Вы с папашей думали, что я ничего не пойму?! Что я... что Клан Чёрного Когтя проглотит это?! Крови нет! – Хо рычал, выталкивая злые, абсурдные, непонятные слова сквозь зубы. Он вытащил руку и ткнул мне её под нос, я отшатнулась.

Это я, я ничего не понимала!

А потом Хо ударил меня наотмашь по одной щеке, по другой, отшвырнул так, что оси урты выгнулись дугой под тяжестью моего тела. Я увидела, как оборот ломает, перестраивает его человеческие кости и мышцы, – и поняла, что из урты живой мне не выйти.

Он убьёт меня, он ничего не поймёт и не услышит, и никто не успеет его остановить!

А в следующее мгновение обернулась я.

Это было совсем иначе, нежели в первый раз. Не мучительное преображение сопротивляющейся изменению пло-

ти, а высвобождение, упругий толчок. Я словно кувыркнулась в воздухе, подкинута неведомой силой, оттолкнулась лапами от натянутой кожи – и выбила её, вываливаясь следом. Воздух показался неожиданно ледяным и ожёг глаза, я рванула, не разбирая дороги, но сделала не больше десятка судорожных прыжков, прежде чем врезалась во что-то или в кого-то.

Заминка меня подвела.

Хо налетел белоснежным вихрем, пытаюсь дотянуться до моего горла, беспорядочно кусая, отплёвываясь шерстью. Да, он был очень, очень силён, мы сплелись рычащим, катающимся по припорошенной снегом земле меховым клубком, я вцепилась зубами в его бедро, прокусывая кожу до крови, разрывая мышцы, стараясь добраться до кости и перегрызть её. Где-то в самой глубине неожиданно ясного разума билась здравая мысль о том, что этого всего просто не может быть, но и мысль о том, что его уязвимый, как и моё горло, живот совсем близко от моих зубов, заставляла сильнее сжимать пасть, пока Хо вдруг не завизжал пронзительным щенячьим визгом.

Всего этого просто не могло быть!

Нас растащили почти мгновенно, я увидела оскаленную морду отца и силуэт очень крупного белого дайрэ, Дорока. Альфа клана Чёрного Когтя сжимал в пасти холку такого же белого сына, поджимающего окровавленную заднюю лапу. Кровь бурлила, кипела – не страхом, а воинственным воз-

буждением, мне уже не было страшно, казалось, сейчас я наброшусь и на отца, и на Дорока, на всех, кто попробует что-то мне диктовать, в чём-то меня обвинять и куда-то меня тащить...

Я завывала – и это был голос победы, звук моего первого и последнего торжества.

А потом меня словно накрыло чёрным непроницаемым колпаком.

Глава 3

Семнадцатое зимнее альта 134 года

Кач-кач.

Кач-кач-кач...

Воспоминания всплывали в голове медленно и неотвратимо, как капает вода из прохудившегося кожаного бурдюка. Из раннего-раннего детства, когда маленькая Лу ещё спала в качающейся плетёной колыбели – не в подземном логове отца, матери и Тэ, а в гостевой урте под присмотром Аширэ. Как только в клане появилась Шайтана, «почётная» обязанность присматривать за дочерью альфы легла на её спину.

Нелюбимая Лу...

– Девка орёт по ночам как резаная! – я словно наяву слышала голос отца, холодный, полный сдержанной, но явной неприязни. – Невозможно слушать.

А как было не орать-то?

Я помнила свои ночные пробуждения: в качающейся колыбели, подвешенной к кожаному, натянутому между двумя рогатинами ремню, было неудобно быстро подниматься на ноги.

– Ш-ш-ш, – сонно принималась бормотать Аширэ, – ну,

уймись, косматая...

Как и все остальные, она *не видит, даже она*. Не видит крупную тварь, испещрённую множеством сверкающих жёлто-зелёных щёлочек глаз. Тварь скалится, раскрывая широкую, в половину морды пасть с торчащими тонкими, как сосновая хвоя, зубами. Тварь сидит на верхушке рогадины, свистит, выскивает, чем бы поживиться.

Что ей нужно? Дерево? Кровь? Жизненная сила?

Они разные, эти твари. Их много. И их не замечает никто, кроме бедной Лу. Кроме меня.

Впрочем, Аширэ иногда поджигает травы, чей аромат разгоняет непрошенных ночных гостей. Полынь, зверобой, сушёная верба – я помню этот резкий горьковатый запах даже сейчас. Но она об этом не знает, потому что не видит, я много раз проверяла. Маленькая Лу судорожно пытается сдержать крик, когда чёрный сгусток, неестественно изгибаясь, тянется к её лицу вытянутыми извивающимися щупальцами.

Пытается – и не может.

Аширэ вскакивает – и не глядя сыпет над маленькой Лу облачко сушёного с летнего полнолуния чертополоха, не обращая внимания на тварь. А та отдёргивает щупальце, сворачивается смерчком и вдруг оглушительно чихает – во всяком случае, раздавшийся звук можно обозначить именно так. Маленькая Лу затихает, даже улыбается – так забавно тварь моргает глазами-щёлочками и отфыркивается от неприятной ей травяной пыли.

– У, лыбишься ещё, бестолочь, – беззлобно ворчит соула, укладываясь. – Ишь... спи!

Постепенно я к ним привыкла. Перестала бояться до одури, стала различать, изучила повадки, даже дала имена. Имена детские и глупые, но других у меня всё равно не было. Так было менее страшно.

Зубастик – эта, с огромной пастью. Она всегда приходит по ночам и, если не отпугнуть, ложится на грудь совершенно материальной тяжестью. Тянется сгустками тьмы к лицу, нависает над спящими. Несмотря на свой устрашающий вид, из всех моих теневых знакомцев она самая безобидная – во всяком случае, кровь не пьёт. А вот Носатая – пьёт, ещё как. Людей боится, но вожделеет, лезет к маленьким и слабым, а уж зверью какая хвороба! Глаз у Носатой вовсе не было, тонкий острый хоботок легко и безболезненно протыкал кожу. Носатая, когда голодная, размером с кулак, прозрачная, точно водянистый студень, а насытившись, темнеет и разбухает. Сытую, неуклюжую, её можно пнуть ногой – она легко лопается, и кровавые брызги разлетаются под ногой. Но подобное удавалось мне только пару раз – Носатая меня тоже не любила. Чаще всего я заставляла её в закутках, где мы держали птиц. Голодная и прозрачная, кровожадная мерзость была на редкость увёртлива.

Самой опасной, самой разумной, пожалуй, была Кусайка. Шарообразная, пушистая, чёрная, желтоглазая, с двумя белыми хорошо заметными клыками, она душила кур и индю-

шек – и убивала всегда больше, чем могла сожрать. А один раз, уже будучи почти взрослой, я застала её над колыбелью маленького Ви, нашего с Тэ младшего брата.

...Разбуженный моим криком, малыш и сам заорал почище раненого вепря. Я никому не могла доказать, что дело было в нечисти, а не в моём капризе, получила от отца берёзовым прутом по рукам, но видеть нечистое не перестала. Перестала о нём рассказывать.

В лесу их тоже было полно. Бесформенные, бесцветные Хватайки, норовившие утащить под воду всё, что меньше двухлетнего ребёнка и движется. Древесные зелёные Моховики, безмолвно и равнодушно провожавшие глазами несущихся мимо дайрэ. Копатели – эти постоянно копали ямы и зарывались в них, правда, иногда в этих же ямах многие ломали ноги...

Всё это я вспоминала сейчас, ощущая лёгкое покачивание странной лежанки, явно непривычного, набитого ароматной сухой травой лежака. Слишком большая, слишком жёсткая и неудобная колыбель мерно поскрипывала на ветру...

...На ветру? Даже дайрэ с их живой горячей кровью редко спали зимой на холоде, предпочитая урты или уютные подземные логова. Холод не мог навредить нам, но длительное охлаждение ослабляло.

Я открыла глаза и попыталась подняться. Кругом было темно, но своим чутьём я безошибочно распознала скорое приближение рассвета. В урту мы с Хо отправились в про-

межутке между закатом и полночью. Всё, что происходило дальше, ласки, больше напоминавшие игру волчонка с добычей, абсурдные обвинения Хо, его яростный взрыв и наша до крайности нелепая драка... по всему выходило, что я провела то ли во сне, то ли в беспамятстве никак не меньше двух-трёх десятков щепотей.

Что на мне надето? Сложно сказать, ткань грубая и свободная.

Было темно, но мои глаза темнота не пугала. Я чувствовала знакомый и безопасный запах дайрэ, находящихся поблизости, шорох приглушённых голосов, но почему-то никак не могла подняться или хотя бы просто расцепить руки...

Руки были связаны, верёвка, влажная, словно пропитанная водой, стягивала запястья за спиной. Таким же образом были связаны лодыжки. Я лежала на боку, затёкшие от неподвижности на зимнем сквозняке мышцы протестующе ныли. Не без труда удалось мне перевернуться на спину, и сквозь перекрещивающиеся прутья небольшой клетки, в которой я находилась, сквозь голые ветки дерева, к которому моя темница была подвешена, я увидела небо, удивительно чистое, бледную отчётливую луну, словно надкусанную нетерпеливым молодым дайрэ.

Клетка.

Аширэ рассказывала в детстве страшные истории о мерзляках, крадущих маленьких дайрэ и сажающих их в клетки, чтобы показывать своим жадным до зрелищ детёнышам. Но сейчас я не чувствовала чужих запахов. Отец, мать, брат... Хо. К запаху Хо примешивался кровавый привкус. Я вспомнила, как прокусила ляжку белого волка.

Не знаю, откуда во мне взялось столько сил, чтобы противостоять Хо. Продержаться несколько долей щепоти, нанести кровную рану. Вряд ли после такого перенапряжения я смогу обернуться в ближайшие несколько дней. Аширэ говорила, что для восстановления после первого оборота требуется не меньше шестицы дней, а я и так...

Мысли бестолково путались в голове, не позволяя, впрочем, панике целиком захватить власть над телом.

Я в клане. На территории своего клана Багровой Луны – уж тут-то мне знакома каждая ветка. Совершенно знакомая ветка удерживает над землёй замкнутую конструкцию из прутьев. Вывод простой – меня наказали, заперли здесь, чтобы не сбежала.

За что наказали? За драку с Хо?

А почему мы с Хо подрались?

Он решил... он решил, что я...

Но это же полный бред!

Запах дайрэ усилился, я повернула голову и встретила взглядом с пылающим ледяной яростью взглядом отца.

* * *

Голос его, однако, был на удивление тихим, как будто хлопала на ветру сухая шкура.

— Лу, послушай меня. Чёрный Хо... твой муж... — Как будто я могла забыть, кто он такой! — ...обвиняет тебя в том, что... — Он замолчал, и это было странно, отец на моей памяти всегда был чужд и смущению, и робости.

— Ложь. — Я попыталась сесть. — Я была честна с Хо, мне нечего скрывать. Ни с каким дайрэ до него я не ложилась. Это ложь, противная земле, небу и деревьям. Почему меня заперли здесь? Почему связали? Я не преступница! Я не сделала ничего плохого!

— То, о чём он говорит, — очень серьёзное обвинение, Лу. Тень падёт на всю Багровую Луну. Скажи, кто это был.

— Скажи! — Ещё один хриплый низкий голос врезался в разговор. Дорок, отец Хо. — Скажи! Сын перегрызёт горло наглому лунному щенку, посмевавшему осквернить его собственность. Я требую...

— Никто из клана Багровой Луны не пошёл бы на такое! — вскинулся и оскалился отец. За его спиной я заметила силуэт Тэ — брата нетрудно было узнать по острым кончикам ушей.

— Ты хочешь сказать, твою девку валял по снегу кто-то

из моих дайрэ?! – Дорок тоже оскалился. – Бред! Твоя дочь нанесла оскорбление всему клану Чёрного Когтя!

– Ну, им не привыкать, верно? – внезапно вступила в разговор доселе молчавшая мать. Значит, и она тут... все они тут. Отец взмахнул рукой.

– Молчи, Садахи!

Вопреки обыкновению, моя тихая, смирная мать не послушалась мужа.

– Что делали твои дайрэ в ночь Великого Затмения, До? – Она так легко назвала отца Хо первым юношеским именем, что я на мгновение забыла о собственных горестях от удивления. – Никто их не видел! Валяли, небось, девок... или тряслись в своих логовах, поджав хвосты? Не затыкай мне рот, Горвот! У меня в ту ночь погибли отец и брат. Храмовники косили всех подчистую, не разбираясь, кого и за что! Где были вы, Когти?

– Я призывал безумцев остановиться и прекратить резню, и это было самым разумным! Мёрзлые справились бы сами...

– Нет, это мы должны были справиться сами, мы! Без помощи мёрзлых! Сами должны были разобраться с отступниками! Где был клан Чёрного Когтя в ту проклятую ночь?!

Словно во сне я наблюдала, как они переругиваются, обвиняя, требуя друг от друга каких-то объяснений и оправданий, – и не могла поверить в происходящее.

Ветер усилился.

– Лу! – Тэ вырвался вперёд. – Лу, скажи мне, кто это был? Я за тебя, я помогу тебе. Я защищу тебя! Просто скажи...

– О чём вы все говорите? – Я ничего не понимала, и голова кружилась всё сильнее, казалось, клетка раскачивается на ветру вдоль линии земли, хотя на самом деле она была почти неподвижной. – Я не... я ничего не нарушала. Я укусила Хо только потому, что он начал кричать на меня ни с того ни с сего, а потом ударил!

– Твои дела с Хо – это ваши личные дела. – Тэ перешел на зловеший сдавленный шёпот. – Но то, что невеста не сохранила чистоту к свадьбе, – позор для всех нас и немыслимое оскорбление. Соула подтвердила, что ты не девственна, Лу, и уже как минимум несколько часов. Клан Чёрного Когтя в ярости. Как ты могла?!

Это было настолько абсурдно, что у меня вспыхнули щёки, а в голове, наоборот, прояснилось.

– Я ещё в своём уме! Да и не с кем...

– Это невозможно скрыть, Лу! – Тэ меня не слышал. Не верил мне. И никто мне не поверит. Все мои оправдания ничего для них не стоят. Обменный товар оказался испорченным и больше не имел никакой ценности.

В таком случае... почему я ещё жива?

О, я представляла, что может быть дальше и то, как смываются кровные оскорбления: простых извинений и материального возмещения тут будет явно недостаточно. Всё зависело от того, чего захотят Хо и Дорок. Я помнила рассказ

Аширэ о женщине, которую за измену мужу сделали *баширэт* – общей женой, обрезав ей волосы и стерев метку клана, а потом она умерла через несколько дней от потери крови... Даже у дайрэ есть предел прочности. Это случилось очень давно, нравы были более жестокими, но кланы редко меняют свои традиции. В наших традициях – быть верным своей паре, в отличие от блудливых мёрзлых.

Такого наказания я не выдержу. Лучше пусть убьют сразу.

– Лу, кто это был?!

– Объясни! – взмолилась я, словно неуклюжая гусеница, сиюсь принять вертикальное положение. – Мои слова ничего не стоят... Как мне ещё доказать? Почему я ещё жива?

– Метка клана, Лу, – зашептал Тэ, хватаясь ладонями за прутья, подтягивая меня к себе. – Она пропала.

– Она пропадает после заключения брака...

– Через несколько лет, под новой меткой! Иногда – после рождения ребёнка! Но не так быстро. Она пропала, а Хо не смог попробовать твою кровь... Его дёсны покрыты волдырями, как от ожога. Лу, ты понимаешь, что это значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.